

Виктор Корченев

Воронцовская Одесса В «лондонском архиве»

По материалам коллекции Леонида Рабиновича

Всю жизнь мечтал найти клад или хотя бы увидеть его, так сказать, «живьем». В детстве даже, чтоб не увидели и не осмеяли родители, простукивал стены нашей коммунальной квартиры старого дома, где мы жили, известного под названием «доходный дом Ольги Скаржинской», что на углу Екатерининской и Ланжероновской. Клад не нашел, но мечта осталась. Нашли же ведь реставраторы совсем недавно в Санкт-Петербурге в старинном особняке Нарышкиных-Трубецких в потайной комнате клад приблизительно из тысячи предметов серебряных столовых сервизов, украшений и военных наград.

Сбылась-таки моя мечта.

Хоть клад не нашел, но увидел его. И не только увидел – ощутил. И оценил. Хотя, как я понимаю, физически, в материальном отношении, его оценить невозможно. Здесь все, как положено: огромный железный с крышкой на петлях и с замком сундук. А содержимое... Прямо как в том петербургском кладе, приблизительно

Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792-1880)
Фото из «лондонского архива»

тысяча предметов, но только не предметов дорогостоящей столовой утвари, а, как выражаются архивисты, единиц хранения. Да еще каких единиц! Единиц, открывающих новые страницы в истории Одессы, начиная с 20-х годов XIX века.

Долго, очень долго этот тяжеленный железный ящик преспокойно ждал своего часа в одной из частных лондонских камер хранения, так называемой *storage room*, куда был помещен его последним владельцем Виктором Шпигановичем, ребенком эмигрировавшим с семьей из России в Англию еще в конце XIX века. И лишь когда в 2010 году истек срок хранения, когда ящик был вскрыт, стало ясно, что его содержимое – это прекрасно со-

хранившиеся бесценные архивы нескольких поколений трех аристократических фамилий, тесно связанных между собой семейными узами и игравших в истории не только Одессы, но и всей России далеко не последние роли.

Вначале архив был приобретен каким-то англичанином. Но когда тот разобрался, что хранящиеся в нем старинные, связанные со слишком далекой ему Одессой документы не представляют для него никакого интереса, стал искать покупателя. Так архив оказался у моего нью-йоркского друга, большого знатока истории Одессы. Тот понемногу стал изучать и систематизировать приобретенное. Постепенно прояснилось, что немалая часть содержимого – уникальные документы, позволяющие дополнить имеющиеся на сегодняшний день сведения о Воронцовых и близких им людях. Здесь и письма князя

Софья Михайловна Воронцова (Шувалова)
(1825-1879)

Фото из «лондонского архива»

Мария Васильевна Воронцова (Столыпина),
урожд. Трубецкая (1819-1895)
Фото из «лондонского архива»

Семен Михайлович Воронцов
(1823-1882)
Фото из «лондонского архива»

и княгини, и их детей Семена и Софьи к друзьям, и послание озабоченного приближением неприятельского флота к Одессе в 1854 году Михаила Семеновича Воронцова управляющему его одесским дворцом Антону Ивановичу Шпигановичу, и множество снимков середины XIX столетия, включая неизвестные фотопортреты жены М.С. Воронцова Елизаветы Ксаверьевны, а также Софьи и Семена Воронцовых.

Особенно следует отметить уникальную фотографию, сделанную в Вене предположительно в 1873 году в ателье известного австрийского фотографа Виктора Ангерера (Victor Angerer). На ней изображены Елизавета Ксаверьевна Воронцова в окружении двух ее внуков Павла Андреевича и Михаила Андреевича Шуваловых, ее младшей внучки Екатерины Андреевны Шуваловой (Балашовой), ее дочери Софьи Михайловны Шуваловой (Воронцовой), а также трех правнучек: Ирины, Александры и Софьи –

детей ее старшей внучки Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой (Шуваловой).

Весь архив включает в себя приблизительно 900 единиц хранения. Это и напечатанные на пергаменте грамоты и дипломы, и патенты на чины и воинские звания, и сертификаты – официальные письменные удостоверения, и пригласительные билеты на балы, дававшиеся Воронцовыми в Одессе в 1830-х годах, и альбом с уникальными портретами, выполненными первыми одесскими фотографами, и три тома путевых записок на английском языке из путешествия по Европе и России Джона Праута в 1815-1820 годах, и его обширная переписка с русской знатью и своей женой Марией Ивановной Липранди, и визитные карточки многих русских аристократов. Всего не перечесать. Писем с автографами Воронцовых немногим менее сотни.

Представляет интерес письмо М.С. Воронцова, собственноручно 10 января 1854 года им в Дрездене написанное и адресованное в Одессу А.И. Шпигановичу. Обычно граф задуманные им солидные проекты и письма надиктовывал своим секретарям. В данном случае он поступил иначе.

Дело в том, что вот уже почти два месяца велась Крымская война. В январе 1854 года в Черное море вошли эскадры англо-французской коалиции. Как грамотный военачальник, прекрасно разбиравшийся в соотношении боеспособности армий, флотов и их вооружений, Воронцов не исключал возможности военных действий у берегов Одессы, а возможно, и высадки союзного десанта. Именно поэтому письмо А.И. Шпигановичу – это первое проявление тревоги князя и княгини по поводу сохранности их семейного архива, библиотеки, манускриптов, картин, родовых мраморных бюстов, старинных рукописей, антиквариата:

«...Насчет положения нашего одесского дома мы разделяем с княгинею Ваше мнение, что надо бы перевезть в безопасное место драгоценные вещи, которые в нем находятся. Насчет же этих вещей мы полагаем

1-е. Книг у нас слишком много, чтобы их можно перевезть; да книги и не пропадут, ежели только дом не сгорит.

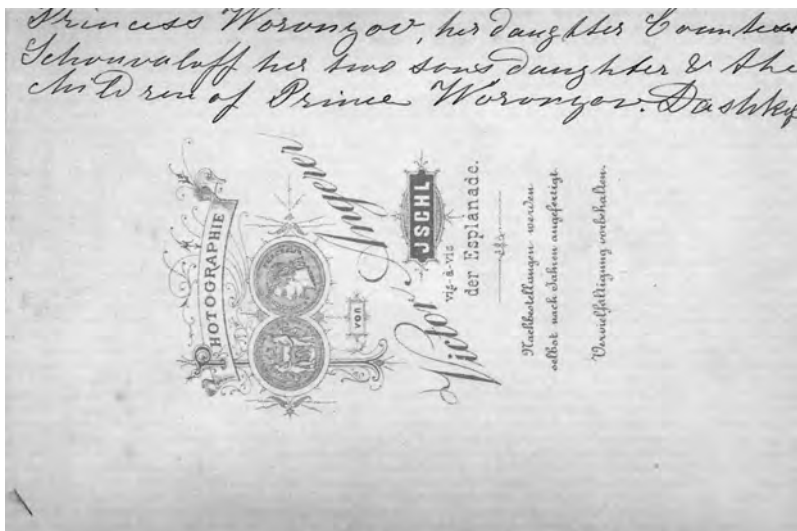
2-е. Картин всех также перевезть очень трудно, но есть вещи – такие картины, которые мы хотели на всякий случай спасти, как,

Групповая фотография Воронцовых (ок. 1873 г.)
Фото из «лондонского архива»

например, мой большой портрет и портрет отца моего из Индийского кабинета; портрет императрицы Екатерины из Зеленой гостиной и портрет короля шведского из бильярдной и из Большой гостиной; по самой крайней мере, – прекрасную картину Тициана («Богородица с младенцем, святым Иосифом и св. Екатериной») и картину Рафаэля («Богородица с младенцем»); но, ежели возможно, то мы желали спасти все эти отличные картины из Большой гостиной.

3-е. Непременно нужно спасти и отправить в Мошны железный сундук из моего кабинета, в котором много нужных для меня бумаг, и вазу из Зеленой гостиной, которая мне подарена Корпусом во Франции. Эти две вещи необходимо отправить. Что касается жардинир (жардиньерка, то есть этажерка для комнатных цветов. – **В. К.**), подаренной от короля шведского, которая в библиотеке; вазы из яшмы, подаренной государем, и прочих драгоценных вещей и мебели, то мы думаем, что Вы найдете возможность спрятать их вместе.

Надпись на оборотной стороне (перевод с английского): «Княгиня Воронцова, ее дочь графиня Шувалова, ее два сына и дочь, а также дети князя Воронцова-Дашкова»

4-е. Серебро надо спасти, и мы думаем, что лучше отправить его в Мошны.

5-е. Княжна пошлет ключ от бюро, который находится в спальне, и просит Паулину Ивановну переложить все, что в нем находится, в ящик и отправить в Мошны.

Что касается до способа отправления всего этого, чтобы Вы списались с Иваном Тимофеевичем о лучшем способе, как это отправить. Разумеется, все, что надо приготовить, для случая, ежели мира не будет, и Одесса будет находиться в большой опасности. До весны же, кажется, неприятель ничего не сможет предпринять, но, таким образом, мы сделаем все, что от нас зависит, для спасения лучшей части наших драгоценностей.

Княжна еще желает спасти бюст мой и бюст батюшки: один – в оранжерее, а другой – в моем кабинете; оба отправить в Мошны.

Прощайте, любезный Антон Иванович. Остаюсь навсегда преданный Вам

М. Воронцов».

Чуть позднее М.С. Воронцов несколько изменил свои намерения. Известно письмо князя видному ученому, историку, профессору, директору Ришельевского лицея Н.Н. Мурзакевичу, с которым Михаил Семенович состоял в добрых доверительных отношениях. Это письмо было изложено ученым в своих мемуарах – автобиографических «Записках», опубликованных в 54-м томе журнала «Русская старина» за 1887 год (см. статью Галины Семькиной «Просвещеннейший вельможа». М.С. Воронцов в воспоминаниях Н.Н. Мурзакевича).

В принципе, архив Шпигановичей – это завершающая часть вывезенного в Англию в конце позапрошлого века и чудесным образом замечательно сохранившегося общего архива Праутов, Липранди и Шпигановичей.

Сперва остановимся на Джоне Прауте.

Родившийся в Англии в 1794 году Джон Праут (John Prout) – доктор медицины, получивший образование в лучших учебных заведениях, чему подтверждение – немалое количество дипломов и сертификатов. В 1815 году переехал во Францию, где был зачислен доктором Русского оккупационного корпуса под командованием М.С. Воронцова. С этого времени начинается служба Джона Праута на российской земле. Одно время в течение четырех лет он состоял в должности личного врача главного командира Черноморского флота вице-адмирала А.С. Грейга, а последние годы жил в Одессе и являлся домашним врачом семьи Воронцовых. Скоропостижно скончался в Массандре в 1841 году, где и был похоронен.

Мало, просто на удивление мало, а возможно, и совсем ничего прежде не было известно об этом человеке. Не думаю, чтобы заурядному лекарю удалось не только состоять на службе у адмирала Грейга и семьи Воронцовых, но и быть представленным его императорскому величеству. И лишь обнаруженный недавно «лондонский архив», содержащий документы как о самом Джоне Прауте, так и о его взаимоотношениях с М.С. Воронцовым, поможет многое о нем узнать.

Правда, прочтение всех документов потребует определенных усилий для взявшегося за этот труд исследователя, ибо немало писем из общего архива составлено на английском языке. Много на французском. Да и у каждого корреспондента Джона Праута – свой собственный почерк, не всегда притом каллиграфический.

Во Францию Джон, или, как его стали называть в Русском оккупационном корпусе, Иван Романович Праут, прибыл с немалым багажом знаний. На его прошение о службе главный медицинский инспектор армии действительный статский советник Я.В. Виллие своим письмом уведомлял просителя:

«Господину иностранному врачу Ивану Прауту.

Рассмотрев представленные доказательства об оказанных Вами успехах в медицине и удостоверившись в хороших сведениях ваших в медико-хирургических предметах при лично моем испытании в оных, я, согласно Вашему желанию, принял Вас в российскую службу по военно-медицинскому ведомству на оклад старшего лекаря 2-го класса с жалованьем по 600 рублей в год и прочими сверх того довольствиями, штатом сему классу положенными; почему предписываю Вам следовать в Главную квартиру главнокомандующего действующими армиями и явиться к полевому генерал-штаб-доктору статскому советнику Яворскому, где, приняв на верность службе присягу, имеете вступить в должность по его назначению. Производство же Вам жалованья начнется с нижеписанного числа сего месяца.

Главный по армиям медицинский инспектор Яков Виллие.

№ 130. Июля 12 дня 1815 года, г. Париж».

Другое хранящееся в архиве и датированное 16-м мая 1826 года письмо дает великолепную характеристику уже штаб-лекарю (военное звание старшего полкового врача в русской армии XVIII – первой половины XIX века) Джону Прауту:

«Я, нижеподписавшийся, свидетельствую, что господин Праут Иван служил под моим начальством в течение четырех лет и что в продолжении оного времени он отличался своим прилежанием и своею ревностью не менее, как совершенным познанием своего дела по занятиям своим при госпиталях и больных в качестве штаб-лекаря, в котором он принес естественные пользы службе императорского величества вообще, а в особенности, ведомству Черноморского флота. В засвидетельствование чего, так, как и в знак совершенного признания его важных заслуг выдал и подписал я сие мое свидетельство 16-го мая 1826.

Вице-адмирал А. Грейг

Главный командир Черноморского флота и портов».

В «лондонском архиве» обнаружилась датированная 26 июля 1834 года расписка-обязательство графа М.С. Воронцова, выданная им Джону Прауту, с уточняющими деталями относительно переезда доктора по настоятельной просьбе графа в Одессу. Пасторалей граф доктору и не думал рисовать – он просто звал его на работу. К тому времени граф, занимавший уже должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, не только прекрасно знал даровитого дипломированного штаб-лекаря, но и успел завести с ним приятельские отношения.

Принимая близко к сердцу тревожения доктора по случаю переезда, граф всячески обнадеживал друга:

«Так как Вы согласны сопровождать меня в Россию в качестве моего и моей семьи доктора, то я обязуюсь в случае любых расхождений, которые могут возникнуть, или же в случае моей смерти, что любой исполнитель или администратор предоставят Вам паспорт и заплатят Вам такую сумму сверх составляющей Вашу зарплату, которая покроет должные и разумные расходы в поездке из любой части России в Англию. М. Воронцов».

Из выпущенной в Лондоне в 1854 году книги Роберта Ли «Последние дни Александра и первые дни Николая» («The Last Days of Alexander, and the First Days of Nicholas (Emperors of Russia)» by Lee, M. D., F.R.S), из «Записок» «Геродота нашего края» Э.С. Андриевского, а также из воспоминаний самого Джона Праута прорисовывается сейчас картина взаимоотношений между такими людьми, как граф М.С. Воронцов, адмирал А.С. Грейг и доктор Праут. Упомянутыми историками был описан случай несостоявшейся дуэли между адмиралом Грейгом и морским министром адмиралом А.В. фон Моллером. В качестве секунданта адмирал Грейг уговорил тогда выступить одного из своих друзей – графа М.С. Воронцова.

Разгоравшийся несколько лет конфликт был связан с обвинениями в казнокрадстве, предъявленными честным и принципиальным Грейгом морскому министру. В последнем споре адмирал Грейг счел себя оскорбленным и вызвал обидчика на дуэль.

В день поединка на окраине Петербурга, в «Красном трактире», трое приятелей за утренним завтраком уже поджидали было опаздывавшего соперника, как вдруг вместо него увидели

подъехавшего в коляске обер-полицмейстера П.В. Голенищева-Кутузова, будущего генерал-губернатора Санкт-Петербурга, причавшегося с приглашением явиться всем участникам в Зимний дворец. Там они и застали Моллера – император, естественно, дуэли не допустил и примирил враждовавшие стороны.

Таким образом, Михаилу Семеновичу Воронцову удалось в случае неблагоприятного исхода не потерять еще одного друга, как это случилось уже однажды, еще в декабре 1807 года, когда перед дуэлью с графом Хрептовичем его старинный приятель Д.В. Арсеньев также уговорил Воронцова быть его секундантом.

Спустя много лет после несостоявшейся дуэли двух адмиралов фон Моллер в результате выявления многочисленных злоупотреблений был-таки отстранен императором Николаем I от руководства морским министерством и уволен в отставку.

В изданной в 2004 году в серии «Жизнь замечательных людей» книге Вячеслава Удовика «Воронцов» ее автор пересказал поведенную доктором Праутом последнему врачу М.С. Воронцова историографу Э.С. Андриевскому связанные с предствшей дуэлью события того дня. Они и были изложены в выпущенных в 1913 году, уже после смерти автора, его «Записках».

Но вот что примечательно. Вероятно, кого-то из рассказчиков, должно полагать, самого первого, то есть доктора Праута, со временем стала подводить память. Дело в том, что в описанных выше источниках несостоявшаяся дуэль относится к августу 1832 года, через два года после того, как супруги Воронцовы, похоронив в Вене их любимую девятилетнюю дочь Александрину, а затем, еще через два года, в июне 1832 года попросившись с упокоенным на восемьдесят седьмом году жизни отцом Михаила Семеновича Семеном Романовичем Воронцовым, на несколько дней посетили Петербург.

Упомянутое же выше известное сейчас второе издание книги доктора Роберта Ли, которое автор осуществил в Лондоне в июне 1854 года, представляет собой дневниковые записки, которые живший два года в России, в том числе и в Одессе, доктор по годам, по месяцам и почти ежедневно осуществлял методично и скрупулезно. Первое же издание вышло, как в предисловии ука-

зал сам автор, девятью годами раньше, то есть в 1845 году. Велись же эти записи с ноября 1824 по декабрь 1826 года.

И вот в соответствии с означенным дневником, в котором, думается, все положенное на бумагу не подлежит сомнению, эпизод несостоявшейся дуэли между адмиралом Грейгом и морским министром адмиралом Моллером относится конкретно к 17 мая 1826 года, но никак не к 1832 году.

Очень хотелось бы поставить долгожданную точку в описании находящихся в «лондонском архиве» связанных с М.С. Воронцовым документов, но сделать это практически невозможно. Неожиданно при более детальном изучении содержимого «золотоносного» железного ящика обнаружилось датированные 9 июня 1829 года запрошенные М.С. Воронцовым у проживавшего тогда в Одессе английского доктора медицины Эдварда Мортонна врачебные советы. Они и были изложены доктором убористым почерком на шести страницах и касались рекомендаций по поводу профилактики различных заболеваний, а также относились к различным способам лечения и гигиены не только самого Михаила Семеновича, но и всей его семьи.

Скорее всего, Воронцов впоследствии передал этот документ Прауту как своему домашнему доктору, и таким образом упомянутые рекомендации смогли сохраниться для дальнейшего изучения специалистами.

Эдвард Мортон много путешествовал, в 1827-1829 годах жил в России и в 1830 году издал в Лондоне книгу о своем пребывании в Одессе и Санкт-Петербурге.

Из содержимого «лондонского архива» также явствует, что предшественником доктора Праута в качестве домашнего врача семьи Воронцовых сразу после знакомого Пушкина доктора Уильяма Гатчинсона был с 1824 года упомянутый несколько выше доктор Роберт Ли.

Одно из писем, адресованное Робертом Ли доктору Прауту и датированное 30 сентября 1832 года, заканчивается фразой: «Не забудь передать мои лучшие пожелания графу Воронцову, графу Палену и всем другим моим дорогим русским друзьям». В другом письме, уже Воронцова Джону Прауту, Михаил Семенович передавал ему привет от доктора Ли.

Окромя военно-врачебного звания *штаб-лекарь* «иностран- ный доктор» Джон Праут за много лет службы России ни чинов, ни наград не имел. Вероятно, он тяготился этим, и тогда озабо- ченный вместе с ним граф М.С. Воронцов 7 июня 1837 года об- ращается со следующим ходатайством к тогдашнему военному министру – генерал-адъютанту графу А.И. Чернышеву, о чем сви- детельствует сохранившийся документ:

«Господину военному министру.

Находящийся при мне врачом штаб-лекарь иностранный док- тор медицины, хирургии и акушерства Иван Праут вошел ко мне с прошением об исходатайствовании ему действительного чина в награду одиннадцатилетней его службы по сухопутному и мор- скому ведомствам.

Из прилагаемого при сем списка с указа об отставке г. Прау- та видно, что он поступил на службу его императорского вели- чества еще во Франции в 1815 году, следовал потом с армией в русские пределы, находился постоянно при полках или непере- менных госпиталях и перешел потом в ведомство Черноморского флота, аттестуясь всегда отлично по своему усердию, ревности и познаниям.

Служа с 23 июля 1819 по 2-е число февраля 1826 года в звании штаб-лекаря, он в особенности обратил на себя внимание быв- шего главного командира Черноморского флота и портов вице- адмирала Грейга, который в прилагаемом при сем свидетельстве отдал ему справедливые похвалы за понесенные им с успехом и пользою труды.

Зная г. Праута лично с самой лучшей стороны и убедившись еще во Франции, где он находился в вверенном мне корпусе, в его способностях и старании, я не могу не принять особенного учас- тия в просьбе его.

Хотя по силе вновь высочайше утвержденного Положения о производстве в действительные чины медицинских чиновни- ков назначена штаб-лекарям восьмилетняя выслуга для произ- водства в коллежские асессоры, а г. Праут находился в означен- ном звании только шесть лет с половиною, но как общее его служение признано всеми бывшими его начальниками отлич- ным, то я имею честь покорнейше просить вашего сиятельства

содействия об исходатайствовании ему означенной награды, тем более что г. Праут по вторичном своем прибытии в Россию с 1832 года постоянно находится при мне врачом, каковая частная служба относительно к медикам и наставникам, как из новейших постановлений видно, заслужила особое внимание его императорского величества, признавшего всемиловитейше их труды и присвоившего ей право службы государственной.

Г-н Праут, находясь большую часть года на Южном берегу Крыма, оказывал свои с неимоверными трудами сопряженные пособия не только особам высших сословий, но и большому количеству стекающих здесь рабочих людей, заведывая притом учрежденными мною больницами.

При посещениях им города Одессы он занимается с большим тщанием при Сиротском доме Женского новороссийского благотворительного общества безвозмездно.

Прилагая при сем засвидетельствованные списки с дипломов, выданных г. Прауту в Лондоне, С.-Петербурге и Гейдельберге, имею честь убедительнейше просить Вашего, милостивый государь, содействия об исходатайствовании ему чина, который сохранит нам отличного врача, обеспечивая судьбу его и предозначая ему в обществе новоизбранного отечества ту степень, которую он по своим достоинствам в полной мере заслуживает.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор
г(граф) М(ихаил) Воронцов».

Нет ни малейшего сомнения в том, что проживи доктор Праут дольше, дружба графа Михаила Семеновича Воронцова с доктором Праутом по купности знаний, энергии, стараниям и преданности Отечеству была бы, по словам поэта, еще долго «любезна» нашему городу.

В 1835 году Праут становится одним из основателей задуманной им и учрежденной М.С. Воронцовым Одесской городской лечебницы для приходящих на Гаванной улице, на месте которой уже после войны была построена школа № 9. В лечебницу ту, созданную для оказания бесплатной амбулаторной помощи беднейшим жителям Одессы, медики, по сообщению Н.Н. Мурзакевича, «ежедневно поочередно являлись и безвозмездно давали советы и рецепты».

В «лондонском архиве» имеется еще один связанный с врачебной деятельностью Джона Праута и с почитанием его как человека документ, составленный сразу после смерти доктора:

«Комитет Одесской лечебницы для проходящих.

30 января 1842 года.

№ 4.

Госпоже вдове доктора Праута.

Милостивая государыня Мария Ивановна.

Покойный супруг ваш доктор Праут был основателем Одесской лечебницы для проходящих, постоянными медицинскими занятиями своими в этом заведении и усердную заботливостью своею о благосостоянии лечебницы оказал оной большие заслуги.

Чтобы почтить память покойного супруга Вашего, столь драгоценную для всех лиц, посвящающих труды свои на пользу лечебницы, в бывшем 28 числа сего января месяца под председательством новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова генеральном собрании гг. попечителей лечебницы последовало по предложению статского советника Сафонова единодушное определение: иметь в лечебнице портрет доктора Праута как основателя заведения.

Комитет лечебницы вменяет себе в приятную обязанность уведомить об этом Вас и покорнейше просить дозволить Комитету снять копию с имеющегося у Вас портрета покойного супруга Вашего для постановления оногo в заведении.

С совершенным почтением имеем честь быть, милостивая государыня,

Ваши покорнейшие слуги:

Председатель Минчаки, член С. Сафонов, доктор Вагнер, доктор Илькевич, член Трахтенберг, доктор В. Энно, Д. Даллас, Архип Мас, Камоен, Бем, Дитерихс, член-секретарь Н. Нестин».

И что изумительно, фотография этого портрета тоже обнаружилась в чудом сохранившемся «лондонском архиве», избежавшем не только всех российских перипетий, но и бомбежки английской столицы времен второй мировой войны.

Из письма М.С. Воронцова военному министру видно, что доктор Праут «с большим тщанием» безвозмездно принимал участие

Джон Праут (1794-1841)
Фото из «лондонского архива»

в работе Сиротского дома Женского новороссийского благотворительного общества.

В конце 1840 года, всего за несколько месяцев до смерти, доктору Прауту была препровождена золотая медаль «За прекращение чумы в Одессе. 1837 г.» в соответствии со списком особо отличившихся лекарей, представленным государю генерал-губернатором графом Воронцовым.

Осенью 1837 года Одессу «посетила» так называемая морозная язва – чума, четвертая со дня основания города, завезенная херсонским торговым судном «Самсон» из Турции 22 сентября 1837 года. И вот здесь последует маленькое отступление.

Ничего не подозревавший, находившийся тогда в Алупке М.С. Воронцов 19 октября пишет в Одессу доктору Прауту письмо, которое тот через три дня получает:

«Будьте настолько любезны, дорогой доктор, выбрать для меня в Английском магазине Вагнера полдюжины самых лучших термометров. Я думаю, они там всегда английские и стоят от 8 до 12 руб. за штуку. Они должны быть так упакованы, чтоб прибыли сюда (в Крым) целыми, если у Вас нет возможности послать с кем-то, кто едет сюда на коляске с пружинами. Они должны быть посланы первым же пароходом из Одессы 4 ноября. М. Воронцов».

Через несколько дней стало уже не до градусников. Еще до прибытия Воронцова в Одессу был создан врачебный совет и оцеплены сомнительные дома, а постами таможенной стражи, расположенными по черте порто-франко, образован «охранительный кордон против чумы».

По распоряжению Воронцова, специально прибывшего из Крыма 25 октября, город и предместья были поделены на 16 кварталов, наблюдение за которыми поручалось медикам и так называемым комиссарам. С целью предотвращения проникновения болезни вглубь империи в помощь таможенникам «охранительного кордона» вокруг города было образовано дополнительное кольцо из солдат армейской пехоты. В самом городе были закрыты все церкви, учебные заведения, судебные места, запрещены театральные зрелища и «чарочная продажа горячих напитков». Умерших хоронили на карантинном кладбище, а всех зараженных отправляли под строгим надзором в Чумный квартал в собственных экипажах или казенных повозках.

Переходя от одного дома к другому, медики в сопровождении комиссаров и рассыльных казаков начали проверку всех жителей и осмотр больных по именованным спискам. Дезинфекция зараженных домов производилась при помощи окуривания закрытых наглухо помещений хлорным газом, пожитки чумных больных сжигались, а металлические и деревянные предметы домашнего обихода на сутки погружались в воду. Уничтожением вещей занимались их владельцы или вольнонаемные мортусы (люди, в обязанность которых входила уборка трупов во время эпидемий чумы и холеры), одетые в кожаные предохранительные накидки.

С 5 декабря эта страшная болезнь больше не проявляла себя ни в городе, ни в предместьях, а через 80 дней – 24 февраля 1838 года, было снято внешнее оцепление и открыты Херсонская и Тираспольская заставы. Таким образом, благодаря организованным действиям, препятствующим распространению эпидемии, благодаря самоотверженности всего медицинского персонала повсюду, где в течение четырех месяцев витал призрак смерти, в городе и предместьях погибло сравнительно небольшое количество жителей – 108 человек, тогда как известная эпидемия чумы 1812 года унесла более 2,5 тысяч человеческих жизней.

В «Одесском вестнике» за 1 июня 1838 года сообщалось: «Его величество государь император во изъявление благоволения своего за прекращение чумы в Одессе всемилостивейше соизволил назначить особые, собственно на сей случай, золотые и серебряные медали: г. новороссийскому и бессарабскому ге-

нерал-губернатору генерал-адъютанту графу Воронцову и всем лицам, содействовавшим прекращению чумы, по списку, от его сиятельства представленному, для ношения в петлице на Александровской ленте».

В «лондонском архиве» нашлось письмо, позволяющее узнать, что среди награжденных золотой медалью был и Джон Праут. Оно было напечатано на бланке Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора 22 октября 1838 года и подписано исправляющим должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и бессарабского военного губернатора генерал-майором П.И. Федоровым:

«Господину штаб-лекарю Прауту.

По представлению г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о лицах, содействовавших начальству в принимавшихся мерах к прекращению бывшей чумы в 1837-м году в Одессе, высочайше пожалована Вашему высокоблагородию золотая медаль для ношения в петлице на Александровской ленте.

Имея честь препроводить при сем означенную медаль к Вам для ношения по установлению, долгом поставляю уведомить Вас, что настоящий акт об этом предмете Вы получите от его сиятельства графа Михаила Семеновича Воронцова.

Исправляющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, бессарабский военный губернатор»

(Подпись)

Обширная папка «лондонского архива» содержит письма российской и одесской знати к Джону Прауту и его жене Марии Ивановне Праут (Липранди). Вот, к примеру, неполный перечень только некоторых из корреспондентов Праутов, с письмами которых можно ознакомиться в этом архиве: графиня С.А. Бобринская, графиня Софья Ксаверьевна Браницкая (Потоцкая), Григорий Ипсиланти, Артур Потоцкий, княгиня Елена Александровна Голицына (урожденная Нарышкина, двоюродная сестра графа М.С. Воронцова), князь Алексей Николаевич Кантакузен, княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая, генерал-лейтенант Павел Петрович Липранди, Татьяна Борисовна Потемкина (урожденная княжна Голицына), вице-адмирал А.С. Грейг, генерал-лейтенант Лев Александрович Нарышкин, Анна Петровна Зонтаг (урожден-

УПРАВЛЕНИЕ

Новороссийскаго и Бессарабскаго

ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА.

ОТДѢЛЕНИЕ КАРАНТИННОЕ.

СТОЛЪ 1

22 Октябрѣ, 1838 года.

№ 1456

Одесса.

Господину

*Штабъ-лека-
рѣо Прауту.*

По представлению Г. Новороссийскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, о лицахъ содѣйствовавшихъ Начальству, въ принимавшихся мѣрахъ къ прекращенію бывшей чумы въ 1837-мъ году въ Одессѣ, **ВЫСОЧАЙШЕ** пожалована *Вашему Великоблгороду* золотая медаль, для ношенія въ петлицѣ, на Александровской лентѣ.

Имѣя честь препроводить при семъ означенную медаль къ *Вашей* для ношенія по установленію, долгомъ поспавляю уведомить Васъ, что настоящій актъ объ этомъ предметѣ Вы получили отъ Его Сіашельства Графа Михаила Семеновича Воронцова.

Исправляющій должность Новороссийскаго
и Бессарабскаго Генераль-Губернатора,
Бессарабскій Военный Губернаторъ

Сидней Гербертъ

Письмо о награждении доктора Праута золотой медалью «За прекращение чумы в Одессе»

ная Юшкова), графиня Екатерина Семеновна Воронцова (в замужестве – леди Пембрук), Catherine Murray (countess of Dunmore) – внучка Семена Романовича Воронцова, лорд Сидни Герберт (Sydney Herbert) – военный министр Англии времен Крымской войны, племянник М.С. Воронцова.

Павел Петрович Липранди (1796-1864)
Фото из «лондонского архива»

Достаточно разветвленное родословное древо семейства Липранди до сего дня было исследовано только частично – для труда такого рода нужны либо архивные, либо эпистолярные материалы.

Дело в том, что в 2010 году военным историком Борисом Витальевичем Никольским в Интернете, на сервере «Проза.ру» была помещена его обширная историческая эпопея – очерк-исследование «Липранди Павел Петрович – герой Крымской войны». Источниками для этого колоссального труда послужили как немалые публикации и переписка, так и архивные сведения. Но, в основном, опубликованная

в 1902 году биография генерала от инфантерии Павла Петровича Липранди, написанная его сыном, офицером Генерального штаба Рафаилом Павловичем Липранди (1838-1909).

Этот очерк касается таких известных российских военных и политических деятелей, какими были Павел Петрович (1796-1864) и Иван Петрович Липранди (1790-1880) – сыновья Петра Ивановича Липранди, итальянского негодичанта, приехавшего в Россию еще во времена царствования Екатерины II и скончавшегося в 1810 году. Это была другая ветка родословного древа семейства Липранди. «Одесские» же Липранди пошли от брата Петра Ивановича – Ивана Ивановича Липранди, дворянина, капитана голландского флота. Его сын, тоже Иван Иванович Липранди (1778-1846), уроженец города Ниццы, сардинский дворянин, в соответствии с указом – позволением императора Александра Павловича, прибыл в 1815 году в Россию, в Петербург, вместе с женой Екатериной и пятью детьми: дочерьми Марией, Екатери-

ной, Елизаветой, и сыновьями – Максимом и Александром.

Этот Иван Иванович Липранди являлся двоюродным братом описанных выше известных русских генералов – Павла Петровича и Ивана Петровича Липранди.

В соответствии с выданным в 1850 году его дочери, Екатерине Ивановне Липранди, согласно ее просьбе формулярному списку, а также согласно другим свидетельствам и аттестатам, уже на следующий год после прибытия в Россию наш многолетний сардинский дворянин был определен на службу в Феодосийскую таможенную в должности так называемого экера, то есть таможенного чиновника.

Начав фактически с нуля, Иван Иванович Липранди дослужился до пакгаузного надзирателя, получая соответственно чины – от коллежского регистратора до коллежского секретаря. В 1829 году по распоряжению новороссийского и бессарабского губернатора графа М.С. Воронцова был «назначен в должность постоянного члена Одесского портового карантинного правления» и, как видно из его формулярного списка, в апреле 1831 года «государь император всемилостивейше пожаловать соизволил ему, г-ну Липранди, бриллиантовый перстень». Так началась «одесская ветвь» семейства Липранди.

Вот одна из дочерей Ивана Ивановича Липранди-сына и его жены Екатерины Шепф, Мария Ивановна Липранди (1808-1891), и вышла в Одессе замуж за доктора Ивана (Джона) Праута.

Отдельная пачка архива связана с именем видного английского ученого-химика первой половины XIX века Уильяма Праута,

Уильям Праут (1785-1850)
Фото из «лондонского архива»

в честь которого была названа элементарная частица, ядро атома водорода – протон. В этой пачке – письма ученого своему двоюродному брату Джону Прауту в Одессу, а также датированная 1950-ми годами переписка тогдашнего владельца архива Виктора Шпигановича с Британской Королевской академией наук и Британским музеем по поводу приобретения ими упомянутых писем Уильяма Праута. По неизвестным сейчас уже причинам эти письма сохранились в семейном архиве Праутов-Липранди-Шпигановичей.

В альбоме с никогда не публиковавшимися ранее снимками 1850-1870-х годов можно увидеть фотографии с прижизненных художественных портретов Ивана Ивановича Липранди и его жены Екатерины Максимовны Липранди (Шепф), Джона Праута и его двоюродного брата – выдающегося английского ученого Уильяма Праута, а также оригинальные фотографии Марии Ивановны Липранди, Екатерины Ивановны Праут-Смит, Софии Михайловны Воронцовой, Семена Михайловича Воронцова в генеральской форме, Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, Павла Петровича Липранди в генеральской форме, Сидни Герберта, Екатерины Мюррей (Catherine Murray) и множество других. Среди них – не известные ранее большого размера фотографии могил Липранди на уничтоженном впоследствии 1-м Христианском кладбище. На одном из могильных камней была выбита переписанная еще в 1860 году кем-то надпись: «На сем месте погребено тело рабы Божьей Екатерины Максимовны Липранди, скончавшейся в апреле месяце 1824 года».

Одна из дочерей Ивана (Джона) Праута и Марии Ивановны Липранди, Екатерина Ивановна Праут, впоследствии вышла замуж за американского консула в Одессе доктора Тимати Кларка Смита (Timothy Clark Smith) (1821-1893), проживавшего в собственном, ныне сохранившемся доме, что на Княжеской, 29, угол Конной.

Тимати Кларк Смит, ставший в 1855 году врачом и имевший должность хирурга русской армии, а с 1861 по 1875 год занимавший должность американского консула в Одессе, был даже упомянут Марком Твенем в путевых очерках «Простаки за границей» при описании посещения им Одессы, Севастополя и Ялты. Но, что интересно, прославился Смит не на консульском поприще

и не благодаря Марку Твену, а благодаря своему оригинальному захоронению.

Дело в том, что вернувшись в Америку, Смит стал панически опасаться быть заживо похороненным – такие случаи в те времена случались очень и очень часто. Как врач Смит, естественно, знал об этом и завещал предать себя земле весьма нетривиальным способом. По иронии судьбы, он скончался в городе Миддлбери, что в штате Вермонт, как раз в конце октября на Хэллоуин – древний языческий ритуальный праздник для успокоения мертвых. Захоронен он был в специально сооруженной подземной гробнице на Вечно-зеленом кладбище в маленьком городке Нью-Хейвен в нескольких милях от Миддлбери.

Эта гробница, ежегодно привлекающая к себе множество туристов, представляет собой подземный склеп, состоящий из двух комнат, в одной из которых установлен саркофаг с Тимати Кларком Смитом. Возле него лежат молоток, долото и колокольчик на тот случай, если бы он, вдруг очнувшись, смог выбраться наружу или дать о себе знать. Гробница Смита перекрыта огромной цементной плитой с зеленым холмом. У подножья холма – лестница в подполье, а на его вершине – небольшая цементная плита со стеклянным окошком. В это окошко, как предполагал сам Смит, он мог бы выглянуть на белый свет. Сейчас туда заглядывают любопытные туристы.

У доктора-консула Тимати Кларка Смита и его жены Екатерины Ивановны Праут (Смит) было двое родившихся в Одессе и пошедших по стопам отца сыновей. Оба также стали консула-

Герб Липранди-Праут
Из «лондонского архива»

ми. Старший, Альфред Виллоби Смит (Alfred Willoughby Smith), с 1906 по 1911 год состоял американским вице-консулом в Одессе, а в 1914 году – в Москве.

Младший, Феликс Смит (Felix Octavius Willoughby Smith), последовательно занимал должность американского вице-консула в Катании, Варшаве, Бейруте, Адене и в 1916 году – в Батуми.

Вторая дочь Джона Праута и Марии Липранди, Людмила, вышла замуж за племянника управляющего одесским дворцом Воронцовых Антона Ивановича Шпигановича, с которого, собственно, и начинался этот очерк. Эмигрировав в Англию в конце XIX века вместе с восьмилетним сыном Виктором Шпигановичем, они и вывезли собиравшийся почти сто лет семейный архив представителей русской аристократии Джона Праута, Липранди и Шпигановичей, в котором немалую часть представляют собой документы, связанные с любимым и почитаемым одесситами Михаилом Семеновичем Воронцовым.

Нью-Йорк

